

После этой прогулки Лу Цзиньянь повел их в прибрежный ресторан.

Пять звезд, элегантная обстановка. За окном виднелось море, сверкающее и светящееся тихим лунным светом.

Здесь Чи Чэн увидел свой праздничный торт, украшенный десятками мультяшных животных и похожий на уменьшенную версию зоопарка.

Шоколадный флаг развевался с надписью «С днем рождения, Чэнчэн!»

Чи Чэн не мог не растрогаться:

— Какой большой торт.

Лу Цзиньянь тихо улыбнулся:

— Нравится?

Чи Чэн торопливо ответил:

— Конечно, нравится.

Наконец, Чи Чэн вспомнил, что его приучали к трудолюбию и бережливости, и спросил:

— Но пап, такой огромный торт, если мы не съедим, что же делать?

— ...Ешь столько, сколько сможешь.

Чи Чэн нахмурился:

— Это деньги на ветер.

— Заберем с собой, если не сможем доесть.

Увидев, что Чи Чэн все еще не успокоился, Лу Цзиньянь добавил:

— ...Я съем.

Услышав ответ, Чи Чэн удовлетворительно кивнул:

— Ладно!

Потом он начал руководить вечеринкой по случаю своего дня рождения.

— Мам, зажигай свечи. Свет, свет, выключить.

Свет выключен, свечи зажжены.

— Мам, пап, споете мне песенку?

«Мама хорошо поет, естественно, она споет мне».

И правда, в теплом свете свечей Чи Чэн увидел, как мама с улыбкой кивнула.

Затем его маленькие глазки вопросительно обернулись к Лу Цзиньяню.

Чи Чэн подсознательно чувствовал, что это должно быть слишком мощно, заставлять папу, который не любит говорить, еще и петь.

Его глаза были пылающими и милыми, в них мерцали тысячи маленьких звездочек.

Лу Цзиньянь был слегка удивлен, сделав паузу, он слабо издал:

— Ага.

Чи Чэн ярко заулыбался.

Кстати говоря, Лу Цзиньянь, родившийся в богатой семье, естественно не пренебрегал уроками музыки. Плюс ко всему у него был приятный для ушей голос. Так как же он мог не спеть песенку на день рождения сына?

Его голос низкий, как виолончель, не очень подходил для радостной песенки на день рождения. К счастью он был еще и довольно мягкий, достаточно для того, чтобы не напугать слушающего.

Из окна поддувал теплый ветерок, соленый и влажный.

Замеркали свечки.

Чи Чэн довольно закрыл глаза, сложил две руки вместе и загадал два маленьких желания.

Песенка постепенно стихла. Чи Чэн загадочно сказал:

— Мам, пап, хотите узнать, какое желание я загадал на день рождения?

Чи Ин протянула руку и погладила маленькую голову Чи Чэна, сказала ему:

— Желание на день рождения должно храниться в твоём сердце, если ты о нём расскажешь, оно не сбудется.

Чи Чэн будто немного разочаровался, сдвинул немного брови:

— Хорошо, не говорить значит не говорить.

Затем, почесав голову одной рукой, самым тихим голосом пробормотал:

— Если не скажу, как вы можете мне его осуществить?

Пока Чи Чэн усердно все обдумывал, расплавленная красная свеча вот-вот собиралась капнуть на торт.

— Скорее задувай, Чэнчэн.

Как только прозвучал голос Лу Цзинъяня, Чи Чэн вдруг увидел надвигающуюся свечную катастрофу, надул обе щеки и с серьёзным видом задул свечи.

К сожалению, сил не хватило, и ни одна свеча не погасла.

Чи Чэн с обидой дернул Чи Ин за рукав:

— Мам, пап, ну же.

Лу Цзинъянь и Чи Ин переглянулись.

Чи Ин, опасаясь, что от нетерпеливого жеста мальчика Лу Цзинъянь может рассердиться, взяла инициативу в свои руки:

— Я сделаю это.

Уже темнело, и наступала ночь. Скоро закончится этот день.

После ужина, круглый животик Чи Чэна стал еще более круглым. Малыш залез на подоконник и спросил:

— Нам нужно вернуться домой?

Лу Цзинъянь тоже его спросил:

— А ты хочешь вернуться домой, или остаться здесь?

Чи Чэн обнаружил, что на улице темно, и морской ветер усилился, а волны одна за другой накрывали рифы, словно рождая морской ужас.

Он вспомнил свою кровать и соскучился по бабушке, поэтому ответил:

— Хочу вернуться домой.

— Хорошо.

— Пап, ты же тоже с нами вернешься домой?

Лу Цзинъянь немного занервничал:

— Ты хочешь... чтобы папа поехал вместе с тобой домой?

Чи Чэн слегка сдвинул брови и серьезно поразмыслил.

Еще один человек дома, это очень важное событие. Всего один человек, такой же, как и дядя, с кем он готов делить еду пополам. И этот человек его папа.

Хоть они и недавно познакомились, но он также понимал, что папа очень хороший, хоть и говорил он мало.

Папа пришел, и уже стало оживлённое.

Спустя какое-то время Чи Чэн закивал головой:

— Хочу.

У Лу Цзинъяня дрогнуло сердце, мужчина посмотрел на Чи Ин.

Ее кожа в тусклом свете все также казалось белоснежной, а брови еще нежнее. Красивая улыбка, нежная и трогательная.

В груди Лу Цзинъяня что-то сжалось, и он ответил:

— Папа еще не готов.

Глаза Чи Чэна забегали по кругу, словно не понимали причину:

— Папа, ты боишься, что тебе не во что будет переодеться? Можно попросить маму, чтобы она купила тебе немного одежды. Мама очень терпеливая и очень ласковая. Папа, тебе не стоит волноваться. Несмотря на то, что раньше у тебя были неприятности, мама все равно любит тебя.

Лу Цзинъянь поднял брови:

— Да? Ты знаешь?

Чи Чэн вспомнил слова тетушки в столовой из детского сада, которые она случайно сказала ему, и повторил то же Лу Цзинъяню:

— Ты вырос таким красивым, кому ты можешь не понравиться?

«...»

Чи Чэн, словно что-то вспомнив, махнул рукой:

— Забудь то, что я сказал. Я просто забыл, что ты тот, кто может купить много одежды.

— ... — Лу Цзинъянь нежно погладил малыша и сказал: — Пойдем смотреть на цветущую сакуру.